

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАРРАТИВАХ ЗНАМЕНСКОГО ЦИКЛА XV–XVII в.

С точки зрения восстановления хода событий похода на Новгород 1170 г. наибольший интерес представляют, безусловно, ранние повествования — новгородских летописей, с одной стороны, и Лаврентьевской и Ипатьевской — с другой. Однако и поздние нарративы, не содержащие нового фактического материала, важны для анализа, так как помогают понять идеологические установки редакторов разного времени.

Л. А. Дмитриев классифицировал весь корпус нелетописных текстов, которые обозначил как «Сказание о знаменнии». Он отметил, что эти тексты встречаются как в календарных сборниках (прологах и минеях), так и в сборниках смешанного состава [Дмитриев, с. 111]. Ученый определил группы близких текстов, как правило, содержащих в названии «Слово» («Слово о Знаменнии...», «Слово на Знамение...»), условно этой группе дается название «Слово». Вторая группа, по тому же принципу, условно названа «Воспоминание о Знаменнии». Отдельно выделен текст, содержащий компиляцию «Слова» и «Воспоминания», — так называемая Сводная редакция. Помимо этих общих групп исследователь называет «Службу Знамению» и «Слово похвальное Знамению». Л. А. Дмитриев установил также наличие «Сказания» в составе Жития Иоанна Новгородского, использование сюжета в Степенной книге. Отмечены авторские переработки этих текстов в XVII в., в том числе редакция Грамотина [Там же].

Наиболее ранним нелетописным нарративом Цикла считается «Слово о Знаменнии Пресвятой Богородицы». Л. А. Дмитриев относил его создание к XIV в., считая, что к этому столетию относится список «Слова» из пергаменной праздничной минеи РГБ. Софийское собр. № 396 [Дмитриев, с. 111–112]. После передатировки рукописи А. А. Туриловым (им была обоснована дата — вторая четверть XV в. [Сводный каталог, с. 8, 15, примеч. 8]) О. В. Лосева определила древнейший список в Прологе РНБ. Ф.п.I. 48 (датируется 1431–1434 г., окончание текста утрачено) [Лосева, с. 202]. В 2009 г. памятник был издан О. В. Лосевой по трем наиболее ранним спискам: Пролог ГИМ. Увар. № 325, Минея РНБ. Соф. № 396 и Пролог РНБ. Ф.п.I.48 [Лосева, с. 328–334]. Стоит отметить, что все рукописи исследовательница датирует примерно первой третью XV в. По событийному ряду сюжет «Слова» близок к легендарным версиям летописных рассказов о Знаменском чуде (в позднем компилятивном варианте), но это развернутое литературное произведение, причем развитие получает именно «чудесная» сторона сюжета. Подчеркивается роль архиепископа Иоанна-Илии и чудотворение от иконы. Очевидно, что новые памятники Знаменского цикла создаются в связи с усилиями новгородской владычной кафедры сформировать пантеон «своих» святых [Бобров, с. 213], среди которых фигура архиепископа Иоанна была призвана занять важное место. С этой же целью, судя по всему, архиепископом Новгородским Евфимием был приглашен Пахомий Логофет, написавший, в том числе, и произведения, вошедшие в Знаменский цикл («Воспоминание о Знаменнии», «Слово похвальное Знамению», возможно, «Службу Знамению»).

«Слово», судя по всему, представляет собой самый ранний вариант редакции легенды — остальные памятники развивают вехи сюжета, намеченные в «Слове», не добавляя новых принципиальных моментов¹.

Уже первые слова памятника определяют главное событие, вокруг которого будет строиться повествование, и это — знамение: «**Ѹтворисѧ знамение велико и преславно ѿ иконы стѣи Бѣа**»².

А затем звучит уже совсем несвойственный новгородским летописным версиям тезис о законном владении новгородцами своими землями и вольности в князьях: «**ѿ Новѣгородѣ сице бо живущею новгородцею и владѣяху своєю областью тако же имѣ Бѣ поручилъ а князѧ держати по своимъ воли**»³. Тут же единственный раз упоминается Роман Мстиславич, как княживший в это время в Новгороде — **внукъ Изяславъ**⁴.

Это вступление — целиком оригинальная часть текста. Его появление и направленность нетрудно объяснить отмеченным выше стремлением создания собственно новгородских святых⁵. После обретения мощей архиепископа (1439 г.) возникла необходимость в его прославлении. И хотя краткое его Житие

¹ Кроме разве что текста Знаменской службы и самых поздних редакций. Служба представляет собой текст, который не является строго нарративным и естественно дополняет сюжет библейскими аллюзиями и цитатами, а также парафразами церковных служебных текстов. Подобного рода добавлений мы касаться не будем. Поздние редакции — Степенной книги и Грамотина — компилируют текст «Сказания» с новгородскими и владимирскими летописными версиями, что несколько расширяет структуру повествования, однако не добавляет принципиально новых сюжетных ходов и фактических известий.

² «Слово о знаменнии пресвятой Богородицы» // Лосева О. В. Жития русских святых с составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. М. 2009. С. 328.

³ «Слово о знаменнии...». С. 328.

⁴ Там же.

⁵ По словам А. Г. Боброва, «архиепископ Евфимий II стал демонстративно создавать культ новгородских святых и новгородской старины» [Бобров, с. 213].

к этому времени, видимо, уже существовало, целый ряд его деяний не был достаточно освещен. Л. А. Дмитриев писал, что Первоначальная редакция Жития не содержит датирующих признаков, и датировал ее временем до середины XIV в., только исходя из того, что коль скоро в нем не отразился сюжет Знаменского чуда, то создание его следует отнести к более раннему времени, чем, как он полагал, возникло «Сказание». На его взгляд, в Житии святого «чудо от иконы Знамение должно было быть хотя бы упомянуто» [Дмитриев, с. 150]. Однако роль Иоанна в сюжете об осаде Новгорода видится нам такой значимой лишь в результате столь широкого распространения и известности на сегодняшний день Знаменского сюжета. Если взять первоначальный краткий текст летописей, восходящих к Краткому Новгородскому летописцу⁶, то архиепископ здесь назван в числе присутствующей в крепости городской элиты и его роль вовсе не подчеркивается. Все трое — князь, посадник и владыка — выносят икону, более Иоанн не упоминается. Это все не ставит под сомнение достаточно раннее происхождение Первоначальной редакции Жития Иоанна (там немало биографических и исторических реалий), но заставляет отказаться от связи датировки первоначального Жития со временем возникновения легенды.

Акценты в «Слове» смещены таким образом, что победой новгородцы обязаны не военному искусству, не случайной удаче (мор коней и проч.), но Божией помощи, милости Богородицы, которых город удостоился по молитве архиепископа Илии-Иоанна. И именно ему, по его молитве, был глас, явлено чудо. Текстуально сдвиг акцентов проявился и в нарушении иерархии перечисления основных фигур: князь, посадник, архиепископ. Все поздние тексты приводят их в ином порядке: князь обозначен, как действующий ко времени описываемых событий, Якун или не называется совсем (как в «Слове»), либо называется последним, архиепископ же занимает центральное место в повествовании.

Известие о двинском походе уже встроено в сюжет, причем вполне гармонично. Причина похода Даньслава на двиня представлена весьма тенденциозно: «не хотаху дани дати двинани Новѹгородѹ но дашася кнзю Андрѹю Бѹждадьскомѹ»⁷. Для восстановления нарушенного порядка на Двину и отправляется Даньслав, где его встречают суздальские войска на Белоозере. Их появлению там также приводится причина: «и то слышавъ Андрѣи и посла на нѹхъ полкъ свои»⁸. Текст не сообщает об известных нам — по новгородскому и владимирскому летописаниям — причинах конфликта Новгорода и Суздаля, однако, вводя такой пассаж, однозначно дает понять, что конфликт имел место по вине Андрея Боголюбского. Он мало того что мешает новгородцам навести порядок в своих землях, посылая войска на перехват новгородцам, так еще и гневается за поражение на Белоозере⁹. Отсутствует известие о двинском походе только в редакции, вошедшей в состав Жития Иоанна Новгородского.

Более поздний текст «Воспоминания» еще ошутимее акцентирует права новгородцев на свои земли, свободу в выборе князя из других земель, правомерность сбора дани с Двинских территорий: «житѣе проходащимъ члкомъ великого новаграда, самовластно и никымже вбладаемн. нъ такоже выше рехомъ. владаще вбластѣю своею. такоже и лѣпо бѣ. и княза имѣюще ѿ иныхъ странъ призванаго. въ ѿмщеніе съпротивнымъ. бѣ же тогѣ оу нѹхъ кнзъ романъ мѣстиславичъ. вноукъ ижеславъ. в' то же время. единая ѿ власти града того, двина глемала. ѿметноу'шеся оубо вбвичню дань дати новѹградѹ»¹⁰.

Переосмыслению подвергается и сама легенда, приведенная в новгородской летописной традиции. Так, новгородцы смиренно принимают нашествие врага, не предпринимая активных действий, разве что устанавливая острог: «новѹгородци же слышавше тѹ силу великѹ на нѹхъ граду'щю и въ скорби вѣша велици и въ сѣтовании мнозѣ и молахуся мѣтивомѹ Бѹ и Прѣтои кѹ Мѣтри Бѣи и поставиша острогъ околомъ всего города»¹¹.

Враг подходит к стенам города «на Сборъ» — в воскресенье соборной недели, других указаний на дату битвы текст не содержит. Три дня враг стоит под стенами города. Намек на переговоры во фразе «придоша сѹждадци на сборъ к Новѹгородѹ стоиаша подъ острогомъ .г. дни а новгородци вѣша за острогомъ»¹² можно предполагать лишь с большой натяжкой. В «Воспоминании» о новгородцах в этой сентении вовсе не говорится, текст там выглядит так: «и пришеше сѹздадци съ всею силою и сташие по граду» .г. дни. Въ третѣю же ноць...»¹³ и далее следует сообщение о гласе, услышанном архиепископом.

⁶ В первую очередь имеются в виду Рогожский летописец, Новгородская Большаковская летопись и летопись по списку Никольского. Новгородская четвертая летопись и летопись Авраамки должны рассматриваться отдельно в силу сложной компилятивной структуры и вторичного влияния Новгородской первой летописи. Подробнее см: [Агафонов; Конявская, с. 70–73.]

⁷ «Слово о знаменнии...». С. 328.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 328–329.

¹⁰ РГБ. Ф. 304. I. № 501. Л. 396 об. — 397.

¹¹ «Слово о знаменнии...». С. 329–330.

¹² Там же. С. 330.

¹³ Там же. Л. 398.

Архиепископ Иоанн молился, надо полагать, в своей келье (текст не уточняет) о спасении города, в третью ночь ему был глас, велящий вынести икону из Спасской церкви на забрала города. Архиепископ посылает за иконой дьякона, которому икона в руки не дается. Тогда архиепископ сам отправляется в Спасскую церковь, где молится образу Богородицы о заступничестве, и начинает петь «**КАНҀН МОЛЕБОНЪ**». По шестой песни «**ДВИЖЕСА ИКОНА ОСОБЕ**» и дается Иоанну в руки. Архиепископ передал образ двум дьяконам, и через весь город ее пронесли на острог¹⁴. По-видимому, автору текста это шествие виделось как крестный ход. Летописная версия легенды позволяет только умозрительно предполагать это, соотнося местоположения Десятины — в Людином конце и церкви Спаса на Ильине — в Словенском конце. В «Слове» икону несут с процессией, «**СТЫМ СОВОРОМЪ СВЕРШАЮЩЕ КАНҀНЪ**»¹⁵. «Воспоминание» приводит и молитву, произносимую Иоанном во время процессии в Людин конец.

Автор «Слова» добавляет, что после попадания в икону стрелы «**ВИДѢ АРХИЕПСКПЪ ІОАНЪ ТЕКУЩА СЛЪЗЫ Ѡ ЧСТНЫА ИКОНЫ, И ПРИНАТЪ ВЪ ФЕЛОНЬ СВОЮ**»¹⁶. Далее приводится описание битвы, близкое к соответствующим текстам летописей, восходящим к Новгородско-Софийскому своду. При этом здесь раскрывается смысл символического ослепления врагов: «**ТАКОЖЕ ПРИ МОИСИИ, ТАКО ПРОВЕДЕ БЪ ЖИДЫ СКВОЗЪ ЧЕРЬМНОК МОРЕ, А ФАРАОНА ПОГРУЗИ**», — и домысливаются последствия ослепления суздальцев: «**И НАЧАША СѦ БИТИ МЕЖИ СОВОЮ**»¹⁷.

Развивается в «Сказании» и идея смирения новгородцев. Если в Новгородской I летописи новгородцы «сташа твърдо о князи Романѣ о Мьстиславици», в других текстах они выносят икону на острог, а затем побеждают, то здесь автор неоднократно подчеркивает подавленное состояние новгородцев, они не предпринимают попыток противостоять врагу, а лишь уповают на помощь Богородицы. Так, в «Слове», при описании приступа союзнических войск, автор отдельно говорит об эмоциональном состоянии новгородцев, которые «**ПЛАКАХУСѦ, КОЖДО СЕБЕ ВИДАЩЕ ПОГЫБЕЛЬ СВОЮ**», а суздальцы уже самонадеянно «**ОУЛНИ РОЗЫЦИ НА СВОА ГОРОДЫ**»¹⁸. В целом тексты «Слова» и «Воспоминания» касаются этого мотива трижды: при подходе войск к городу, при чуде самодвижущейся иконы и при описании приступа союзнических войск (тут тексты разнятся всего лишь в построении фраз, смысловое наполнение идентично):

- новъгородци же слышавши тѹ силѹ великѹ на нихѹ градѹщю и въ скорби быша велици и въ сѣтовании многѣ и молахуся¹⁹;
- народи же, видевше, зваху съ слъзми Г҃и помилѹи²⁰;
- а новгородьци вси баху за острогомъ не можаху бо противѹ ихѹ стати, нѣ токмо плакахуся кождо себе, видаще погыбель свою.²¹

Характерно, что и в «Слове» икона начинает свое движение только по 6-й песне молебна, когда поют кондакъ «**ЗАСТҀПНИЦЕ ХРИСТИАНОМЪ НЕПОСТЫДНАА**» — молитву перед иконами Богородицы²². Повторяющееся в «Слове» число 6 (в шестом часу войска подступили к городу), по версии Е. Л. Конявской, связано с популярностью в XV в. в Новгороде Жития Александра Невского, в котором это число имеет особое символическое значение [Конявская, с. 80]. Возможно, имелась в виду также символика непосредственно евангельская: при распятии Христа в шестом часу на землю пала тьма и стояла до девятого часа (Мк 15: 33, Лк 23: 44). Таким образом мог быть заявлен другой мотив произведения — павшей тьмы. Тут надо отметить, что в «Воспоминании» подобного интереса к числу 6 не наблюдается. Текст повторяет топос о начале битвы в шестом часу, но умалчивает о шестой песни кондака. Икона тут движется после молитвы Иоанна. Вероятно, это связано с тем, что автор этого текста не новгородец. В литературе существует традиция, приписывающая создание «Воспоминания» Пахомию Логофету, которая берет начало, надо полагать, из работы В. М. Яблонского. Хотя последовательно такая атрибуция по сей день не доказана, она и убедительно не опровергнута.

Автор «Слова» отмечает эмоциональное состояние и других героев своего сочинения: гнев князя Андрея («**ѠТОЛЕ АНДРѢИ РАЗГНѢВАСѦ НА НОВГОРОДЪ**»), потрясение архиепископа Иоанна («**БЫВШЮ ЖЕ КҀМУ ВЪ ОУЖАСТИ СЛЫША ГЛАС**»). Текст содержит риторические элементы: обращения и восклицаниями изобилует молитва Иоанна перед образом Богородицы, восклицания и риторические вопрошания содержит авторский пассаж о слезах Богородицы: «**О ВЕЛИКОЕ СТРАШНОЕ ЧҀДО(О)! КАКО СЕ МОЖАЩЕ БЫТИ Ѡ СҀХА ДРЕВА?**». И далее автор разъясняет происходящее: «**НЕ СҀТЪ БО СЕ СЛЪЗЫ, Нѣ ПАВЛАЕТЪ ЗНАМЕНИК МАСТИ СВОКА**». Богородица молит Сына своего за градъ нашъ, не дати в поруганик врагомъ нашимъ²³.

¹⁴ «Слово о знамении...». С. 332–333.

¹⁵ Там же. С. 332.

¹⁶ Там же. С. 333.

¹⁷ Там же. С. 333–334.

¹⁸ Там же. С. 333.

¹⁹ Там же. С. 329–330.

²⁰ Там же. С. 332.

²¹ Там же. С. 333.

²² Там же. С. 332.

²³ Там же. С. 333.

Всё это признаки качественно нового памятника — литературного нарратива. Домысливаются некоторые эпизоды, мотивации действий героев повествования, описываются их эмоциональные состояния.

При этом некоторые исторические реалии утрачиваются ещё в тексте «Слова», как не значимые принципиально для сюжета, например, вовсе не упоминается посадник Якун, не обозначается роль князя Романа в битве. Взамен появляются некоторые подробности, призванные подчеркнуть мнимую достоверность повествования: указан час битвы, география повествования конкретизирована (упомянут монастырь Рождества Богородицы на Десятине, указано расположение Спасской церкви на Ильиной улице) и др.

Сам автор позиционируется как житель Новгорода: в приведенной выше авторской сентенции (и далее) присутствуют выражения «градъ нашъ», «враги наши». По-видимому, в его распоряжении был некий близкий к рассказам в Новгородской четвертой летописи и летописи Авраамки текст, возможно, несколько вариантов, но на основе летописных нарративов он создал новое произведение, отвечающее требованиям уже другой эпохи.

«Слово похвальное Знамению пресвятой Богородицы» атрибутировалось Пахомию Логофету еще учеными XIX в. В. О. Ключевский и В. М. Яблонский делали такие выводы по соотнесению его текста с текстом «Службы Знамению» [Ключевский, с. 126–127; Яблонский, с. 120]²⁴. Л. А. Дмитриев считал их близость весьма относительной, не находя явных текстуальных совпадений. Однако он приходил к тем же выводам, сравнивая «Слово похвальное» с «Воспоминанием» [Дмитриев, с. 126–128]. Из этой же концепции исходит в новейшем исследовании «Слова похвального» В. М. Кириллин [Кириллин, с. 79].

В. О. Ключевский предлагал датировать памятник 70-ми годами XV в. [Ключевский, с. 128]. Но, начиная с В. М. Яблонского, в науке установилось мнение о более раннем происхождении «Слова похвального»: конец 30-х годов этого столетия, во время первого посещения Пахომием Новгорода. В. М. Яблонским был оспорен основной аргумент В. О. Ключевского, строившего свою версию на основе фразы «да посрамятся иконоборцы», которая, по его мнению, говорит о создании текста во время расцвета иконоборческих движений в Новгороде. В. М. Яблонский напомнил, что Пахомий Логофет был родом с Афона, где еще в XIV в. имела место смута, поднятая Варлаамом и Анкидином, известными своей иконоборческой деятельностью. В свете этого указанная фраза могла и не иметь отношения к новгородской действительности.

В. М. Кириллин отмечал, что композиция «Слова похвального» построена по стандартной схеме: риторическое вступление, описание ключевого события, историко-богословская интерпретация событий, молитвенное обращение к Богородице [Кириллин, с. 79].

В центре повествовательной части произведения — чудо от иконы, где главная фигура — архиепископ Иоанн, как и в других произведениях Цикла этого времени, поскольку это соответствовало целям, поставленным архиепископом Новгородским Евфимием II перед Пахომием Логофетом во время первого визита Святогорца в Новгород: создание культа собственно Новгородских святых на фоне обострившегося местного патриотизма.

Вместе с тем звучит и новая мысль, усиливающая тенденцию изображения в положительных тонах новгородцев и в самых мрачных — суздальцев. Оказывается, князя Андрея возмутили не только и не столько разгром его отряда на Двине и сбор дани на его смердах. Он не хочет видеть Новгород самовластным и завидует ему: «Бѣ бо рече князь великий, Андреи бо имя емоу. Съ бо оубо зря Великий Новѣградъ самовластенъ и завистию разгореся и събравъ вои от различныхъ странъ...».

В «Слове похвальном» введена еще одна веха сюжета: крестный ход с иконой от острога к храму по окончании битвы: «по сем же вземъ сщенииши архиепископъ честную и мною победительную икону и тако посреде града тою понесе, псалмы и песнями и пениемъ съ восклицаниемъ и тако поставляетъ в пречестнемъ храме ея». В более ранних текстах, как было показано выше, крестный ход лишь угадывается, и отнесен к другому моменту.

Как и в «Воспоминании», говорится о творимых иконой исцелениях: «Безмерна чюдеса и многообразна точаше исцеления». Далее сообщается, что победу «на многы дня празнуююще».

Окончание текста представляет собой моление Христу и Богородице о заступлении города и людей «от глада, гоубительства, троуса и потопа и нашествия иноплеменикъ». В. М. Кириллин отмечал, что композиция этой благодарственной молитвы в целом обусловлена литературной традицией и почти полностью скроена из цитат и парафраз псалтырных стихов, «звучавших, между прочим, в качестве вполне устойчивых выражений в самых разных богослужебных стихословиях» [Кириллин, с. 82].

Икононовская летопись, которой свойственны компиляции, в данном случае соединяет новгородскую и «антиновгородскую» версии. Повествовательная часть довольно искусно переплетает рассказ о действиях союзников, разоряющих новгородские земли, и о самой битве — по «антиновгородской» версии с сообщением о вынесении иконы Богородицы из церкви Спаса на Ильине, переговорах, которые не привели к успеху, — по новгородским (ранней и легендарной). Описывается чудо, тяготы обратного

²⁴ Далее текст «Слова похвального Знамению пресвятой Богородицы» цитируется по изданию в работе В. М. Яблонского [Яблонский, с. XCII–CI].

пути суздальцев, которые ели конину в Великий пост. Сначала все оценки следуют новгородской версии, говорится даже об установлении празднования «чюдеси Пречистей Богородици», которая избавила «градъ сеи свои». Но далее вспоминается о трех плачущих иконах — по «антиновгородской» версии. Компилятор творчески переработал заключительную сентенцию, хотя и упоминая «зло», творимое новгородцами, но, в отличие от трактовок северо-восточного летописания, подчеркнул, что новгородцы смирились, покаяться и были прощены.

Редакция *Степенной книги* (далее — РСК) использует в качестве источников Ник, новгородский летописный памятник и «Слово о Знаменнии». Составитель ее дал как предысторию конфликта, так и его последствия. Этот текст имеет существенные отличия от предыдущих. Л. А. Дмитриев отметил, что эта редакция соединила фрагменты новгородской и «антиновгородской» версий, а также использовала «Слово о Знаменнии». Он попытался даже найти реальные источники тех или иных выражений, читающихся в РСК, в конкретных летописях (Новгородской V, Лаврентьевской) [Дмитриев, с. 138–139]. Тем не менее такие попытки едва ли можно считать плодотворными, поскольку очевидно, что во многом составитель этого текста использовал Никоновскую летопись (как и в других случаях, см.: [Усачев, с. 249]), которая, свою очередь, имела разнообразный набор источников.

Впрочем, новгородский источник для данного сюжета РСК явно присутствовал. Это касается материала, затрагивающего предысторию событий 1170 г.

Как отмечал Л. А. Дмитриев, для эпохи, в которую создавалась редакция, древняя новгородская «вольность» могла восприниматься как ведущая к бесчинствам и распрям [Дмитриев, с. 140–141]. Поэтому РСК кратко приводит историю Новгорода от Рюрика, причем отмечает, что в древние времена князья поступали в Новгороде по своей воле, а не по воле новгородцев. Все изменилось в княжение Ярослава Мудрого: «Егда же Ярославъ по отъцѣ своемъ блаженномъ Владимери, победивъ братоубициа Свѣтополка, изыде от Нова града въ Киевѣ державствовати и тогда отъ великаго князя Ярослава Владимерича за великое ихъ къ нему исправление получиша отъ него милость Новоградцы да по воли ихъ они возлюбятъ князя и тои господствуютъ ими отъ сыновъ Ярославлихъ и отъ внучатъ его въ роды и роды во вѣки»²⁵. Характерно, что эта милость даруется новгородцам за некое «великое к нему исправление», хотя и не сообщается явно, в чем оно заключалось (помощь в победе над Святополком). Затем в самом негативном свете говорится о бесчинствах и кровопролитии, допускаемых жителями Новгорода, которые, тем не менее, соблюдали обязательство избирать князей из рода Ярослава.

По всей видимости, соединяя, казалось бы, несоединимое, автор стремился собрать весь возможный материал, не упустив ни одной детали, содержащейся в той или иной версии повествования. Налицо и попытка (не всегда удачная) выстроить имеющийся материал по хронологии. Так, о чуде трех плачущих икон в летописях владими́ро-суздальского круга говорится ретроспективно, в РСК оно перенесено в предысторию Знаменских событий под 6675 г. (то есть составитель, видимо, отсчитал назад три года — как указано в летописях). Притом в тексте нет прямых указаний на то, что ссора новгородцев с Боголюбским и череда сменяющихся князей предшествуют чуду. В итоге текст выглядит так, что чудо трех плачущих икон, указанное под 6675 г., расположено среди событий, гораздо более ранних.

В отличие от Никоновской летописи, нападающей стороной в столкновении из-за дани на Белоозере назван Новгород: князь Андрей «посла воинство свое дани ради на Двину, новоградцы же срътоша ихъ на Белѣзерѣ и брань створиша съ ними»²⁶. О численности войск и о численности павших не сказано ничего. Разгневанный этим нападением Андрей посылает сына к Новгороду с суздальским войском и войсками прочих княжеств.

Далее парадоксальным образом к описанию разорения Новгородской земли по «антиновгородской» версии, как и в Никоновской летописи, прибавляется рассказ об устроении новгородцами острога, видении Иоанна и чуде о самодвижущейся иконе, что соответствует версии «Сказания».

Архиепископ охарактеризован как «чюдотворивый», причем приводятся оба его имени (в Никоновской только Илья). Он молится в своей келье в течение трех дней. Здесь уже текст не совпадает с Никоновской летописью, а основывается на «Слове о Знаменнии», при этом не столько цитирует его, сколько излагает в своей стилистике основную сюжетную линию.

Характерно, что все трое — князь, архиепископ и посадник — молятся вместе со всем народом: «сіи архіепископъ Іоаннъ купно же и князь ихъ Романъ Мъстиславичъ и посадникъ Якунъ Одрѣвичъ и со всенароднымъ множествомъ в печали велице молящеся Богу и Пречистой Богородицы»²⁷. Позднее архиепископ молится в своей келье Софийского собора, поскольку посылает за иконой он своего архидьякона «со клирики Святѣя Соѳіи».

Самая же существенная новация в интерпретации событий — это заключение, где в монархическом духе утверждается, что новгородским беспорядкам положил конец только Иван III. И тут же сообщается об установлении праздника 27 ноября «Знаменія Пресвѣтѣя Богородици», хотя сама икона в тексте называется «Пресвѣтой Богородицей» и только.

²⁵ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 466.

²⁶ Там же. С. 468.

²⁷ Там же. С. 468.

В научной литературе замечено, что Лицевой свод Ивана Грозного использует Редакцию Степенной книги в части основной фабулы — начиная с Двинского похода (см.: [Дмитриев, с. 138; Сиренов, с. 123, 132–133]). Описание Двинского похода Даньслава Лазутинича совпадает здесь с соответствующим текстом Никоновской летописи и является вольным пересказом новгородских летописей. К суздальцам, отправившимся на Двину, почему-то добавлены рязанцы. Так же и далее новгородцы, победив, берут дань с заволочан, суздальцев и рязанцев.

Сюжет об осаде в Лицевом своде уже совпадает с РСК: «И оттолѣ великий князь Андрей разгнѣвася на Новѣградъ и собра многое воинство...»²⁸ и т. д.

В отличие от текста в Степенной книге, в Лицевом своде нет разбивки на главы, а также нет не только предистории, но и послесловия — о пристрастии новгородцев к «непотребным своим обычаям».

В основу Редакции И. Т. Грамотина (далее — РГ) лег текст «Воспоминания о Знамении», но в числе источников был и текст РСК. Редакция датировалась Л. А. Дмитриевым 1634–1638 г. [Дмитриев, с. 141]. А. В. Сиренов уточнил, что Грамотин называет себя мирским именем, а в 1637 г. он постригся в Троице-Сергиевом монастыре с именем Иоиль. Таким образом, редакция была создана до этого времени [Сиренов, с. 219]. В рукописях редакция встречается под названием «Воспоминание преславного чудесе, бывшаго от иконы Пресвятыя Владычицы нашеа Богородицы и Приснодевы Марии в Великом Новеграде». Это, а также совпадения с «Воспоминанием» на протяжении всего текста дает основания считать, что Грамотин располагал «Воспоминанием». Впрочем, ему были доступны и другие редакции, в частности Степенной книги, с трактовкой которой он полемизирует.

Сочинение Грамотина начинается с экскурса в историю новгородской «вольности в князьях», дополняя текст, идентичный «Воспоминанию», мотивом получения вольности в князьях от Ярослава Мудрого: «ѣмѣ же вѣрно слѣжахѣ, и за премногую ихъ добродѣтель и помощь, таже показаша противѣ враговѣ его, почтени быша ѿ него самовластѣемѣ, еже и по немѣ имѣти имѣ оу себе начальствующаго князя ѿ колѣна и племени сего Ярославъ по изберанію снхъ, егоже они восхотѣхъ, и данемѣ и послушанію положиша оурокѣ»²⁹. В отличие от РСК, здесь подробно объясняется, за какие именно заслуги Ярослав Мудрый даровал новгородцам право выбирать князя, причем подчеркивается, что этот выбор может осуществляться только из числа потомков Ярослава.

При этом в РГ очевидна полемика с РСК. О переговорах тут уже говорится прямо: «сѣдахѣ при стѣнахъ града заключившесѣ и къ пришешимъ воемѣ сѣждальскимѣ посылахѣ, ѿ смиреніи молящесѣ»³⁰. Инициаторами их представлены новгородцы, это подтверждает их миролюбие, изображая их в положительном свете.

Молитва Иоанна перед иконой во время боя содержит дополнительные отсылки к Покровскому культу, помимо обычной для этой молитвы сентенции: «Ты еси оупование наше и надежда, и заступница градъ нашѣмѣ, стѣна и покровѣ, и приѣжище всѣмѣ хрѣтианомѣ»³¹, — в РГ читается фраза: «не прогнѣвансѣ на ны... но покрыи своею блгстїю»³².

Идеологическая направленность этого текста целиком проновгородская, в отличие от текста РСК, явно проводящей московскую монархическую линию. Причем элементы сюжета, создающие образ новгородцев в этих двух редакциях, акцентируют противоположные моменты. В частности, РГ тоже имеет предисловие, но в нем восхваляется «преславный» Великий Новгород, «благочестием украшающесѣ». Процветание его достигнуто благодаря «самовластному управлению» и «непопущению» князьям «обладати собою». Поход же против Новгорода автор редакции считает проявлением зависти к его богатству. Как отмечает А. В. Сиренов, «для людей, прошедших через ужасы и соблазны Смутного времени, концепция абсолютной монархии, проводимая в Степенной книге, не казалась самой лучшей для их современности» [Сиренов, с. 221].

Литература

- Агафонов И. С. «Знаменское чудо» в новгородских летописях: истоки становления культа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №4 (54). М. 2013. С. 5–11.
- Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
- Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. Л., 1973.
- Кириллин В. М. Слово похвальное иконе пресвятой Богородицы «Знамение» Пахомия Логофета // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 79–84.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Конявская Е. Л. Об основных этапах формирования легенды о знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса. Сб. статей памяти академика Л. В. Милова. М., 2009. С. 68–86.

²⁸ ПСРЛ. М., 2000. Т. IX. С. 241.

²⁹ РНБ. Q. XVII. 259. Л. 34 об.

³⁰ Там же. Л. 38–39.

³¹ Там же. Л. 41 об.

³² Там же.

Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой четверти XV вв. М., 2009.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. СПб., 2010.

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.